

Олег Кудрин

Одесское кино

Александр Довженко (11.09.1894-25.11.1956)

Готовится к печати новая книга Олега Кудрина – нашего земляка, живущего в Москве. Она посвящена выдающимся кинорежиссерам, среди которых есть и те, чье творчество связано с Одессой. Мы начинаем публикацию со статьи об Александре Довженко.

Режиссер и писатель мирового уровня. Один из редких счастливыхчиков «украинского расстрелянного возрождения» 20-х годов, кому повезло выжить. Разъясняя факты его жизни, порой и сейчас используют автобиографию Довженко, изданную в 1957-м, но написанную большей частью в 39-м, во времена, когда правды нельзя было говорить по определению. Именно поэтому так много фальши во многих жизнеописаниях Александра Петровича.

Родился Сашко в селе Вьюнице Черниговской губернии. Его родители казацкого происхождения, Петр Семенович и Одарка Ермолаевна, переселились сюда из Полтавщины. Из 14 детей в семье выжили только двое: Александр да Прасковья. Учение давалось мальчику легко. И он пошел в Учительский институт в Глухове (одна из старых гетманских столиц Украины), по окончании которого преподавал в Житомире. Первая мировая обходит его стороной – от призыва освобождает больное сердце.

Но потом он с головой окунается в революцию и гражданскую войну, воюет за независимую Украину, не раз оказывается в подполье, что называется, «ходит под расстрелом». Поддерживает Центральную раду и Петлюру против гетмана Скоропадского, против немцев, а также против красных, против белых, против поляков. Есть данные, что Довженко был еще в курене Чер-

ных гайдамаков, подавлявших рабочее, пробольшевистское восстание на заводе «Арсенал».

В конце концов, его арестовывает ЧК и помещает в концлагерь как «врага рабоче-крестьянского правительства». Спасает Довженко поручительство писателя, боротьбиста (украинская партия левых эсеров) Васыля Эллан-Блакитного. Довженко не только освобожден, но и устраивается учителем в школу Красных старшин. В 1920 году под влиянием Блакитного также становится боротьбистом. И уже вместе со всей этой партией вливается в ряды Компартии Украины.

Не нужно думать, что им двигает соглашательство, страх за свою жизнь. «Довженко, как и большая часть украинских интеллигентов 20-х годов, верил, что можно объединить силу, мощь большевистской идеи и украинскую натуру. Он, как и многие его ровесники, обпекшись на поражении украинцев в годы гражданской войны, сделал ставку на силу. И на то, что сила большевиков поможет воскресить Украину и украинскую культуру, – говорит украинский довженковед Сергей Трымбач. – Но он ошибся», – добавляет историк. Впрочем, эта ошибка станет ясной лишь много позже.

А пока Александр с головой окунается в строительство советской, но все же Украины. Работает по дипломатической линии в Польше и Германии (в Мюнхене учится в художественной школе). Потом оказывается в тогдашней украинской столице – Харькове, где сближается с левыми писателями и художниками, романистами и футуристами. И в 1926 году переезжает в Одессу, где становится режиссером первой в стране кинофабрики. Показательно, что во время одной из партийных чисток-перерегистраций он оказывается без партбилета, который отнюдь не торопится восстанавливать. И теперь уж на всю жизнь остается беспартийным.

Пробные фильмы у него не очень хороши. Не хватает опыта, «чувства камеры». Первой более-менее удачной лентой стала приключенческая картина «Сумка дипкурьера» (1927). Впрочем, сам Довженко называл ее «жалкой пробой пера». А настоящим прорывом была картина «Звенигора» (1928). Это уже настоящий киноэпос Украины, состоящий из 12 новелл, – от скифов и варягов до гражданской войны. Объединяющий все произведение об-

раз – легендарный гайдамацкий клад, закопанный в Звенигоре. Это душа народа, его память и сила.

Фильму нелегко было пробиваться на экраны, ведь уже тогда начинались репрессии против сценаристов картины Марка Йогансена и Юрия Тютюнника (после ареста и расстрела в 30-х годах их фамилии будут сняты из титров). Но знаменитый в ту пору Сергей Эйзенштейн отозвался с восторгом: «Удивительное переплетение реального с глубоко национальными поэтическими выдумками. Остросовременного и вместе с тем мифологического. Юмористического и патетического. Чего-то гоголевского. Среди нас – новый человек кино, мастер со своим лицом».

Несмотря на то, что фильм совершенно лоялен к советской власти, по большому счету прославляет ее, к Довженко приклеился ярлык «буржуазного националиста». Во многом поэтому следующим фильмом набирающего силу Мастера становится «Арсенал» (1929), о том самом восстании против Центральной рады, за которую когда-то воевал Довженко. Оказавшись по другую сторону баррикад, режиссер сделал очень сильное экспрессионистское кино.

И после этого он снова мог вернуться к земле – поставил фильм «Земля» (1930). Здесь есть и классовая борьба, и убийство молодого тракториста. Но главное не в этом – а в том, как точно, тонко и поэтически сильно пленка передает ритмы жизни хлеборобской нации. Стоит отметить, что во всех фильмах «революционной трилогии» главную роль играл Семен Свашенко – яркий актер харьковского театра Леся Курбаса.

Фильм с восторгом принят за рубежом, в Европе. Но в советской России бдительные цензоры все же заподозрили его в двоемыслии. Картину быстро снимают с проката, а «Известия» публикуют двухподвальный доносительский фельетон Демьяна Бедного (позже, в 1945 году, уже умирая, он попросит у Довженко прощения). Как вспоминал сам режиссер, он тогда «буквально постарел и поседел за несколько дней».

И для реабилитации – снова пролетарский фильм, на сей раз о строительстве Днепрогэса, – «Иван» (1932). Сам Довженко был им недоволен, считал слишком механистическим. Но через два

Александр Довженко на съемках

года картина получила хорошую прессу на Венецианском кинофестивале (похвала в те годы также чрезвычайно двусмысленная, учитывая, что в Италии было фашистское правительство, отношения с которым, недавно еще вполне дружественные – Сталин щедро поделился Муссолини сценариями праздничных парадов и демонстраций, – становились все хуже).

То, что произошло потом, позволяет предположить, что между Художником и Властью был заключен личный союз, персональная уния между Сталиным и Довженко. Накануне разворачивающегося в Украине голодомора режиссера переводят в Москву (трогательная забота о психологическом здоровье впечатлительного Мастера со слабым сердцем). Александр Петрович получает частые аудиенции у Иосифа Виссарионовича. И лично рассказывает ему об идее «Аэрограда» (1935) – поэтического города летчиков на берегу Тихого океана, метафоры стремления к высокому в самых дальних уголках Страны Советов. Сделанный фильм Сталину понравился. Но он все же идет по категории «самовыражения», а не «госзаказа». И на вручении ордена Ленина генсек тычет в сторону Довженко пальцем, говоря: «За ним долг – украинский Чапаев».

Это логично. На очереди у Иосифа Виссарионовича – репрессии против армии, высшего звена военных, воевавших когда-то рядом с творцом Красной Армии Троцким. А значит, нужно воспеть не замаранное и пока еще неизвестное, а главное, вовремя погибшее, среднее звено – Василия Чапаева, Николая Щорса. Работа над сценарием «Щорса» (1939) идет непросто. Расставлять какие-то акценты помогает лично Сталин. Но фильм в итоге получается достаточно качественный, большевистская мифология в нем гармонично увязана с украинским фольклором. Вместе с большой группой иных кинематографистов и других фильмов в 1941 году режиссер получает за него Сталинскую премию I степени.

Довженко мечтает о «Тарасе Бульбе», но советский вождь считает, что еще не все долги отработаны. В качестве пряника режиссер получает награды, должности, а в качестве следующей отработки едет с Красной Армией в Западную Украину. После чего монтирует документальный фильм «Освобождение». Фильм сделан строго по партинструкции, но камеру, киноплёнку, не обманешь. Уж очень сытым, благополучным и вольнолюбивым выглядит население Галичины (вообще-то, не самого благополучного в богатой Европе региона) на фоне обнищавшего, оголодавшего колхозного крестьянства остальной Украины. Картину быстро снимают с проката.

Начинается Великая Отечественная. Довженко становится военным журналистом, получает высокое звание полковника, едет на фронт, пишет очерки, снимает документалистику. Сталин доволен. Но лишь до тех пор, пока не знакомится с киноповестью Мастера «Украина в огне». Довженко пишет в ней: «Плохо, что сдали мы Гитлерюге проклятому свою Украину... Мы, освободители, все до одного давно уже забыли, что мы немного виноваты перед освобожденными».

Но это же категорически противоречит взглядам самого Сталина – оставшиеся на оккупированной территории сами во всем виноваты. Нечего перед ними виниться, напротив, нужно чтобы они сами отработывали теперь свою вину... Довженко лишают высоких должностей и до конца войны переводят в Центральную студию кинохроники.

После войны Довженко все так же мечтает об исторических картинах: «Тарас Бульба», «Золотые ворота». Но вместо этого вынужден делать очередной биографический фильм – «Мичурин» (1948) по своей же исковерканной в духе лысенковской борьбы с генетикой пьесе «Жизнь в цвету».

Дальше – больше, начинается анекдотическая история со шпионским фильмом «Прощай, Америка!» (1951) по книге перебежчицы из американского посольства Аннабелл Бакард. Кроме Довженко были привлечены серьезные силы: композитор Дмитрий Шостакович, в ролях – Николай Гриценко, Юрий Любимов, Людмила Шагалова. Но в одну ночь почти готовый фильм закрыт по распоряжению Сталина. Оказалось, что госпожа Бакард, поближе познакомившись со сталинским режимом, бежала обратно на родину.

Когда на Украине в Каховке шло строительство очередной ГЭС днепровского каскада, Довженко попробовал дважды вступить в один и тот же Днепр – после «Ивана» снять еще ленту «Поэма о море». Но в разгар работ он умер. Фильм доделывала его вдова – актриса и режиссер Юлия Солнцева (снимавшаяся еще в протазановской «Аэлите»). Увы, Юлия была замечательной актрисой, верной женой, но не очень хорошим режиссером...

Когда в 50-е годы наступил расцвет неореализма, итальянские киновееды отметили, какой большой вклад в развитие этого течения внесло поэтическое кино Александра Довженко.

Продолжение следует

